

«Война и общество в XX веке»*

**Академик РАН А. О. Чубарьян, директор
Института всеобщей истории РАН:**

Уважаемые коллеги!

Сегодня на встрече с вами речь пойдет по поводу выхода трёхтомного издания «Война и общество в XX веке». Это завершение работы, которую в течение нескольких лет вёл Институт всеобщей истории РАН, коллектив под руководством профессора О. А. Ржешевского. Первый большой 4-томник, выпущенный Центром войн и геополитики ИВИ РАН, назывался «Мировые войны XX века». Вторая книга — «Народ. Война. Победа». Третий труд, который сегодня представляется, называется «Война и общество в XX веке». Он имеет свою специфику. Как правило, книги о войне либо полностью посвящены боевым операциям, либо эти военные операции занимали в них преобладающее место (это было характерно как для советской историографии, так и для современной), либо работы по войне посвящены международным проблемам, которые находятся в центре споров и острых дискуссий.

Представляемый труд сместил акцент на общество, повседневную жизнь. Многие болели, голодали, любили друг друга, жили... Люди жили в экстремальных условиях, значит, проявлялись человеческие характеры. Люди испытывали давление режимов, давление войны. Основной вывод в том, что война — это мировая трагедия, и общество должно сделать всё, чтобы это больше не повторялось. Главное — гражданское общество. Хотя в советском обществе его не было, как и демократических институтов, которые могли бы оказывать влияние на политику властей. Но и в демократических странах, в экстремальных условиях, вполне естественно, элементы гражданского общества, гражданского контроля, демократической

культуры были ограничены. Война требует монополии власти, усилий не только для военных нужд, но и для промышленных.

Есть точка зрения, что Великая Отечественная война, победа в ней укрепила режим Сталина. Это спорный вопрос, который может вытекать из содержания трёхтомника. Война была неизбежно связана с централизацией, ужесточением жизни. Без этого невозможно осуществить власть и обеспечить победу. Но одновременно действовали институты принуждения, которые были до войны. Были репрессии, которые продолжались. Многие из них были совершенно необоснованны, например военных. Война вызвала гражданский подъём населения. Люди, поддерживающие страну; люди, даже оппозиционно настроенные по отношению к власти; люди, испытавшие на себе издержки этой власти, объединились. Война привела к настоящему национальному объединению. Поэтому эта война и получила название Отечественной, это была война по защите Отечества. Часть людей воевали, чтобы спасти свою жизнь, но подавляющее число исповедовали принципы защиты своей страны, независимости Родины. А значит, это неотделимо было от своих семей, близких. Вот круг вопросов, который находился в центре внимания авторского коллектива.

Книга основана на существенной источниковедческой базе. Много новых документов, которые связаны с состоянием общества: человек на фронте, человек в тылу, человек в эвакуации, человек в плену. Эти документы отражали жизнь человека в экстремальных ситуациях.

Вопрос: Задача, которую поставил перед собой авторский коллектив — рассмотреть проблему «война и общество» комплексно и в международном масштабе, — весьма сложная, учитывая, что и узких исследований по этой теме мало и в нашей стране,

---

* Пресс-конференция в РИА — **НОВОСТИ 23 июня 2009 г.**

Участники: академик А. О. Чубарьян, генерал-майор В. А. Золотарёв, проф. О. А. Ржешевский, д.и.н. Л. В. Поздеева, д.и.н. М. Ю. Мягков, д.и.н. С. В. Листиков, д.и.н. С. М. Мони́н, к.и.н. Ю. А. Никифоров.

и за рубежом. Сама проблема звучит новаторски для современной историографии. Что побудило авторов к написанию столь ответственного труда? И нашёл ли он отклик в прессе?

Д.и.н. О. А. Ржешевский, руководитель проекта:

На наш труд 12 мая была опубликована обстоятельная рецензия в «Российской газете». Есть несколько причин, побудивших наш авторский коллектив к созданию данного трёхтомного труда. Существующий веками в истории алгоритм «мир — война» всё более сокращается в своих интервалах, войны следуют одна за другой. При этом вторая половина XX века и то десятилетие, которое мы прожили в новом веке, — это нарастающая череда войн, которые представляют всё большую и большую трагедию для человечества. Причём, если раньше в цивилизованных обществах было принято объявлять войну и делать дипломатические, политические и даже военные жесты, предупреждающие о вступлении страны в войну, то сейчас мы всё реже это встречаем. Придумываются различные предлоги, которые потом оказываются несостоятельными, но война тем не менее развязывается, в них гибнет огромное количество мирного населения, и это войны, которые не имеют в качестве причин непосредственной военной угрозы. Я имею в виду войны в Ираке, Югославии; межэтнические и межнациональные постоянные военные конфликты в Африке.

Вторая причина — в возросшем влиянии общественных настроений на политику государств, особые изменения, которые произошли в нашей стране, появившаяся возможность высказывать свою точку зрения, говорить об альтернативной истории. Эта причина также связана с тем, что любая крупная война втягивает в свою орбиту целый ряд других государств — всё это влияет на состояние общества. Поэтому мы взяли столь широко в международном масштабе историю войн XX века, которые происходили на различных континентах; войны, которые мало исследованы, но оставили после себя следы трагедии, которая разыгрывалась то в одном, то в другом районе мира.

Третий мотив — мы живём в удивительном окружении исторических материалов, которые часто противоречат друг другу, и непрофессионалу трудно определить, что соответствует истине, а что — нет. Мы надеемся, что в этом отношении большое значение будет иметь указ Президента РФ о создании Комиссии по борьбе против фальсификации истории в ущерб национальных и государственных интересов России. Среди фальсификаций, которые давно практикуются не только в нашей стране, но и в наиболее крупных державах мира, преобладают те, которые направлены против России. Поэтому существует необходимость утверждения исторических реалий. В этом смысле мы уверены за свои труды. Я имею в виду не только «Вой-

ну и общество», но и достоверность других трудов Института всеобщей истории. Можно соглашаться или не принимать те или иные выводы, но с точки зрения фактического материала, источников, на которые даются соответствующие ссылки, мы старались сделать так, чтобы читатель нам доверял.

Труд потребовал привлечения более 50 авторов, поскольку палитра рассматриваемых вопросов была столь широка, что понадобились узкие специалисты высокого уровня. Это исследование носит международный характер. В нём приняли участие учёные из Австралии, Великобритании, Германии, США, Японии. Но главное — все авторы являются специалистами самого высокого класса. И это не только академики, доктора, но и талантливые аспиранты. Мы надеемся, что участие такого разновозрастного коллектива также отразилось в стиле изложения исторического материала, который сегодня наиболее востребован нашим обществом.

Работа над трудом была построена таким образом, что каждый том имел своего научного руководителя и ответственного редактора, которые работали совместно.

Вопрос: Что в научном отношении дал вам опыт сотрудничества с западными авторами? Появились ли какие-то материалы, по-новому освещающие события войн XX века?

Д.и.н. В. А. Золотарёв, научный руководитель первого тома:

Уважаемые коллеги! Очень важен ваш интерес к обсуждаемой сегодня теме. Трёхтомник, о котором рассказали мои коллеги, — это органическое продолжение четырёхтомного, выдержавшего два издания труда «Мировые войны XX века». Здесь впервые в мировой историографии взят совершенно другой угол зрения, предпринята попытка посмотреть, что же из себя представляла сопряженность «война и общество». Причём речь шла и о странах-участницах, и о нейтральных странах. С многих точек зрения авторский коллектив рассматривал эту проблему. Каждое поколение стремится по-своему познать свою историю, своё прошлое, устремления, страсти, мечты и надежды. Но есть один очень важный исторический азимут — это фундаментальная наука, и в данном случае априорно он был самым важным обстоятельством в исследовании. Т.е. это аргументация, доказательная база и очень большой серьёзный научный аппарат.

Первый том посвящен событиям начала XX века до ноября 1918 г., до Версальских событий, до подведения итогов битвы народов. Чем важны эти события? Возьмём для примера событие осени 1903 года. Если бы существовала финансовая разведка, которая сейчас есть, то мы бы прекрасно понимали, что можно избежать войны с Японией и, с другой стороны, знали бы, что все их программы, рассчитанные по 1906 г., — по сути, оперативная и стратегическая маскировка,

камуфляж. Проплачены были все счета, и основные составляющие программы военного строительства и военной реформы были закончены за 2–3 месяца до нападения на Порт-Артур. Это обстоятельство свидетельствует о необходимости изучения всех сторон, всех граней такого сложнейшего явления, как война. Извлекая уроки из этого опыта, мы понимаем, что нам надо предпринять, какой комплекс мер осуществить, чтобы попытаться предотвратить то, что называется словом «война».

Очень бы хотелось, чтобы в будущем наши последователи, студенты, аспиранты, описывая сегодняшние события XXI века, сказали бы с удовольствием, что войны в первом десятилетии закончились, что нет больше войны. Может быть, это грёзы, иллюзии, может, homo sapiens не готов к этому, но должна быть какая-то мечта, надежда на лучшее. Прошлое никогда не исчезает, оно существует как яркое доказательство, что мы своими делами и поступками будем жить в грядущем. Есть универсальный способ поддерживать эту органическую связь времён — развивать историческую науку и как можно бережней относиться к тому, что мы называем историей нашей Родины. Не противопоставлять эпохи, а искать их органическую связь и искать то поучительное, что нужно сегодня.

А что извлечь из Первой мировой войны? Россия вползла в войну. Можно было избежать? — Безусловно. Такой результат — 38 государств с населением больше 1,5 млрд. человек, 4 континента, включая США, участвовали в войне. А реальные последствия — 10 млн. погибших, более 20 млн. искалеченных, миллионы умерших от голода и болезней. Мне думается, что это не последний аккорд, но очередной шаг, с точки зрения гносеологии, просветительской и государственно-патриотической функций.

Вопрос: Этот труд весьма ценен для современной науки и нашего запутавшегося в обилии некачественной литературы общества. Чем больше вы будете создавать подобного рода работ, тем качественней будет материал в учебниках, тем меньше будет глупостей и ляпов, тем скорее будет образовано наше поколение в плане познания минувшего. Каков же тираж этой книги?

О. А. Ржешевский:

Книга вышла количеством 800 экземпляров.

А. О. Чубарьян:

Как это? Много или мало с точки зрения журналистов?

Голос из публики: Этого хватит только для читателей библиотеки.

Вопрос: Вызвал ли ваш уникальный труд интерес в мире? К вам обращаются коллеги?

А. О. Чубарьян:

Масса рецензий есть уже. Мы получаем много запросов. Мы рассылаем наши книги по универси-

тетским центрам. Это уже 100 экземпляров. Значит, только один экземпляр попадает в университетскую библиотеку. Фактически он мало доступен. Но это издержки не наши, а системы распространения книг в стране.

Вопрос: Существует миф, что, были люди в наше время, «богатые не мы», что раньше существовал другой тип людей. Проводились ли сравнительно-исторические исследования между нашим многократно критикуемым обществом и тем особым типом советского человека, который дал победу? Второй вопрос — входите ли вы по своей работе в эту Комиссию.

А. О. Чубарьян:

Все задают вопросы про Комиссию, но она ещё не собиралась. Единственное, что я могу сказать, что есть указ Президента о создании Комиссии. По Первому каналу было большое интервью председателя Комиссии. С моей точки зрения, Комиссия — это не научное учреждение, она не пишет книги, не занимается конкретными интерпретациями. Она выполняет чисто координационные функции. Большая задача Комиссии — помочь обеспечить доступ в архивы, для того чтобы можно более документально бороться с искажениями истории.

О. А. Ржешевский:

В истории не бывает так, чтобы общество, которое веками пребывает в одном состоянии, вдруг преобразилось и стало другим. Эстафета нравственных критериев бытия передаётся из поколения в поколение. Я понимаю Ваш вопрос так, что общество, которое сумело защитить страну в Великой Отечественной войне, и общество сегодняшнего дня — глубоко различны. Да, различны, прежде всего в силу изменения общественно-политического строя и в силу той геополитической катастрофы, которая произошла в результате развала СССР, что нашло отражение в каждой семье, в сознании каждого человека. Если вы хотите, чтобы я ответил на вопрос, как будет нынешнее молодое поколение защищать страну в случае грозящей опасности, то на него ответить сложно. Мы не футурологи, но в то же время традиции защиты Родины свойственны нашему народу с древних времён и до наших дней. Конечно, молодёжь другая, но значительная часть её представителей привлекательны. Она новая по образу мышления, образу жизни, который соответствует современному этапу развития мирового сообщества.

Вопрос: Не могли бы вы назвать объём недавно рассекреченных документов. Что это за документы из отечественных и зарубежных архивов? Чем они важны для понимания тех процессов, о которых вы пишете?

В. А. Золотарёв: Из чего состоит источниковедческая база. Если вы помните, издавался «Русский

архив». Вышло 29 томов. Они посвящены событиям с 1940 г. до окончания Второй мировой войны. Это 29 томов, прошедших археографическую экспертизу документов, которые выпущены издательством «Тerra». Первый том вышел тиражом 10 000 экземпляров. Он отражает состояние Красной Армии накануне войны. Идёт освещение прошедших в Кремле совещаний с 23–31 декабря 1940 г., где было приглашено 273 участника — от наркома обороны до злополучного командира 99-й дивизии генерала Власова, будущего предателя. Позади был Финский фронт, позади были репрессии, поэтому были достаточно взвешенные, аргументированные выступления. Все эти доклады, опубликованные с хорошими комментариями, которые представляются нам абсолютно достоверными, — являются хорошей базой, показывающей, что из себя представляла Рабоче-крестьянская Красная армия накануне войны. Сюда же входят документы Генерального штаба, документы ставки Верховного главнокомандования, приказы и директивы наркома обороны. Кроме того, это частная работа исследователей в архивах, начиная от государственных и заканчивая Архивом Министерства обороны в Подольске. Что касается рассекреченных документов, то есть указы президента и министра обороны. Будем надеяться, что это позволит исследователям дальше проникнуть в тайны фондов ЦАМО и Военного архива, ЦРВИА.

Д.и.н. С. В. Листиков, ответственный редактор первого тома:

Разговор идёт о том, что, с одной стороны, существуют различные точки зрения насчёт того, насколько была обоснованна Октябрьская революция, с точки зрения её внутреннего содержания, процессов, происходивших в России, насколько приезд В. И. Ульянова-Ленина поддерживался немцами, насколько это было явлением внешним для России и насколько, с другой стороны, та концепция, имевшая место в советские времена, что большевистская партия получила поддержку, — эта дискуссия продолжается в этой книге, при этом представлены различные точки зрения.

Относительно Русско-японской войны. В книге есть две главы, посвящённые этой проблеме. Первая отражает взгляд российских историков на Россию эпохи Русско-японской войны. Вторая — взгляд японского историка на японское общество того же времени.

Д.и.н. Мягков М. Ю., научный руководитель третьего тома:

В 2007 г. вышел приказ министра обороны по поводу рассекречивания архивных документов, касающихся тех, что хранятся в ЦАМО (г. Подольск). Речь идёт о рассекречивании документов фронтового уровня, вплоть до материалов Генерального штаба и Ставки. Процесс идёт, но он замедлен в связи с тем, что не хватает средств, как не хватает средств на выпуск большого тиража этой книги, так не хватает их

и для обеспечения нашего нормального архивного дела. Тем не менее исследователи получили в последнее время значительный объём документов, который помогает им раскрывать ту картину реальной войны, прежде всего войн XX века, в которых участвовали Российская империя и СССР.

Относительно дискуссионных тем в третьем томе. Чтобы мы ни писали, например, о Фолклендской войне, которая также представлена у нас с двух сторон — с английской точки зрения (а Англия не могла больше отступить, по выражению Тэтчер), или с аргентинской стороны; либо о вьетнамском или корейском обществах, — тем не менее мы всё равно имеем в виду Россию. В этом смысле показательно вступление советских войск в Афганистан. Здесь очень большое поле для дискуссии и разбора причин, почему это произошло, почему не был учтён иностранный опыт ведения войн на территории Афганистана и состояния афганского общества после революции — почему не были учтены те моменты, которые помогли бы, наверное, избежать тех последствий, которые случились позднее, после декабря 1979 года.

Какую бы главу мы ни готовили, в любом случае мы думали о России, её прошлом, настоящем и будущем. Как верно отметил А. О. Чубарьян, мы должны избежать войн в будущем — в принципе это очень желательно. Но, скорее всего, избежать войн не удастся. Вполне возможно, что в локальный конфликт, а может, и мировой, будет втянута Россия.

Любая война, даже сетевая, информационная — это тоже война. Сумеет ли мы достойно ответить нашим возможным противникам — основная задача этой книги. Хотелось бы, чтобы заинтересованные люди почаще читали такие книги.

Ю. А. Никифоров:

Хотел бы поддержать М. Ю. Мягкова в его стремлении развернуть дискуссию в сторону труда. Говорить о рассекречивании вообще каких бы то ни было документов, о проблемах, которые существуют в России с рассекречиванием, — это другая тема. Если говорить непосредственно о труде, то следует отметить, что за последние 20 лет по российской истории была рассекречена большая масса документов, что историкам понадобится немало лет, чтобы освоить весь этот массив источников и именно с научных позиций его проанализировать. Проблема, в которой находится наше информационное поле знаний по истории XX века, в том, что существует много литературы, книг, авторы которых часто поспешно, часто недобросовестно, пренебрегая правилами источниковедческого анализа, выхватывают источники из архивов, не зная, что с ними делать, и не могут их встроить в систему координат, которая отвечала бы научности и объективности. Задача авторов труда была определить, в каких границах возможны дискуссии по поводу тех документов, чтобы мы могли говорить об их научном прочтении, о добросовестном их исследовании,

а то, что выходит за эти рамки, можно уже считать несерьёзным, не историческим.

В значительной степени работа основана на том, что мы вовлекаем те известные источники, которые были рассекречены даже 10–20 лет тому назад, в научное исследование, в научный оборот по-настоящему. Зачастую эти источники ранее подвергались разным экстравагантным трактовкам, которые вызваны в первую очередь человеком, который их первым достал, его желанием создать сенсацию, информационный повод, но эти интерпретации к подлинной истории отношения не имели. Таких примеров можно приводить массу.

Вопрос: Третья книга вашего труда посвящена периоду после 1945 г. до конца XX века. Это время большого количества локальных конфликтов, историю которых трудно уместить в один том. Какими научными и общественно-значимыми приоритетами вы руководствовались при подборе тем для данного тома? Что в этой книге, на ваш взгляд, будет наиболее любопытным для широкого читателя?

Ю. А. Никифоров:

Книга живёт уже несколько месяцев, технические проблемы далеко позади, поэтому нам можно посмотреть на неё как читателям. Я, как историк в роли читателя, в первую очередь обратил бы внимание на то, насколько она по-настоящему интересна своим замыслом, потому что каждое общество в истории, в той или иной стране, в тот или иной период давало свой уникальный во многом ответ, свою модель реакции на войны, свой пример взаимоотношений с политическим режимом собственной страны, который существовал во время войны, претерпевало значительную эволюцию под влиянием войны, тех условий, в которых она была начата, и выхода из неё. Здесь очень большое поле для компаративистики, потому что мы даём несколько глав, в которых есть и Австрия, и Германия с их проблемами денацификации и выхода из Второй мировой войны; и Франция с её проблемами деколонизации во время Алжирской войны и войны в Индокитае.

То же касается освещения локальных войн и конфликтов в третьей книге: мы попытались посмотреть американское и вьетнамское общество во Вьетнамской войне, советское и афганское — в Афганской войне.

В каждой стране существует своя историческая традиция, мы не знаем, как согласовать эти точки зрения, — у каждого своя правда. Авторский коллектив поставил задачу дать профессионалам из разных стран это сделать. Например, Англия и Аргентина. Это даёт возможность для историка задать самому себе вопросы, сравнить, сопоставить и сделать следующий шаг в исследовании сравнительного характера. Очень хорошую базу нам дали те авторы, которые эти главы писали.

Несмотря на то что в третьем томе мы называем войны локальными конфликтами, это не означает, что рассмотрение их ведётся на локальном уровне. Значительная часть войн, с чем согласны большинство историков XX века, были связаны с глобальным противоборством сверхдержав после Второй мировой войны, являясь формами проявления этой борьбы. Авторы, учитывая это, старались включить описание этих локальных конфликтов в форму глобального противоборства. В этой связи у нас появились планы, которые непосредственно связаны с возникновением холодной войны и реакцией двух главных участников — США и СССР, прежде всего их обществ, в связи с этой глобальной конфронтацией.

Как представитель молодого поколения исследователей, я хотел бы отдать должное руководителям проекта — О. А. Ржешевскому и А. О. Чубарьяну за то, что они не боятся увлечь нас в столь масштабные, амбициозные и уникальные проекты.

Вопрос: Писать работу, отражающую историю повседневности военного времени, очень трудно. Как вам удалось подобрать источники, отражающие состояние обществ разных стран в этих условиях?

Д.и.н. Л. В. Поздеева, научный руководитель второго тома:

Очень мне приятно, что проделана такая гигантская работа отдела, которая объединила большой коллектив авторов, специалистов по разным областям и странам, которые приглашены участвовать в этом труде. Приятно, что это вызывает большой интерес. Хотелось бы отдать должное Олегу Александровичу Ржешевскому и Александру Огановичу Чубарьяну — без их энергии, знаний и очень высокой квалификации мы не могли бы за столь короткий срок издать такой объёмный трехтомный труд.

Труд отличается тем, что он основан на первоисточниках, и в этой связи надо представлять себе, что те трудности, с которыми столкнулись специалисты, исследуя внутренние процессы состояния обществ, войны, несоизмеримо больше, чем те проблемы, которыми занимаются специалисты внешней политики и международных отношений. Состав источников по этой тематике, если брать разные страны, чрезвычайно разнообразен. И в ряде случаев приходится испытывать колоссальные трудности, чтобы привлечь новые материалы, которые могут помочь обратиться к внутренним проблемам. Больше разработаны другие аспекты военной истории — международные отношения, международные связи. Но такого цельного труда, который бы затрагивал события с 1939 г. по 1945 г. и касался бы многих стран и многих проблем, ещё не было создано.

В разных странах (если не считать СССР и современную Россию, где этим вопросам уделялось и продолжает уделяться большое внимание) достаточно давно идут исследования гражданской истории в других странах. В Великобритании, например,

с 1950-х годов выходила «Гражданская история». Очень крупные историки, экономисты издавали серию документов, посвящённую разным аспектам общественной жизни. В изучении обществ других стран наша историческая наука отставала.

Одна из задач при создании второго тома заключалась в поиске не только приемлемых для нас аспектов исследования, но и источников. Некоторые из них есть в наших библиотеках, но если не обратиться к источникам зарубежных архивов, то подчас очень трудно отвечать на многие сложные вопросы. Мы, конечно, не полностью ответили на все вопросы и могли шире дать представление о внутренней жизни, о состоянии общества в зарубежных странах. Но многое осталось за пределами изучения, поскольку мы были лишены источников. Если бы авторы, прежде всего молодые исследователи, имели возможность работать в иностранных архивах, то результаты нашей работы были бы более значительными.

Д.и.н. С. М. Монин, декан МГИМО:

Оценка труда, на мой взгляд, может быть только одна — впечатляет! Впечатляет труд по многим параметрам. Прежде всего, это объём. Объёмнее труда за последние годы в «Науке» не выходило, если не считать изданного недавно, подготовленного тем же Центром геополитики и мировых войн 4-томника «Мировые войны в XX веке».

Во-вторых, это авторский коллектив. Какой раздел ни откроешь, чувствуется, что пишет профессионал. В-третьих, это география. Мы привыкли сосредотачивать внимание на крупнейших странах — а здесь мы видим широкий подбор. Например, очень разнообразно представлены страны Востока. Если о Китае и Японии ещё есть литература, то тема Индии в годы Второй мировой войны крайне мало освещена. В соответствующем разделе говорится о таких малоизвестных у нас фактах, как о попытках сторонников независимости Индии найти поддержку у Японии в борьбе против Великобритании. Тот же капитан Сингх, который создал вооружённые формирования под эгидой японцев. Затем Чандра Бос, который создал временное национальное правление Индии под колпаком у японцев.

Плохо освещены в отечественной историографии и такие проблемы, как состояние вьетнамского общества во время двух войн — против французов и против американцев; история афганского общества, накануне Апрельской революции, междоусобная борьба двух фракций НДФА, причины этой революции и мотивы, заставившие Советский Союз втянуться во все эти события. Мало исследованы и такие вопросы, как малые и нейтральные страны в годы Второй мировой войны; что происходило в то время в обществах Испании, Португалии, Швейцарии, Швеции, Греции в годы мировых войн. Это очень большая историографическая редкость, требующая соответствующего материала.

Но самое главное — это содержание, что и как написано в этой работе. Здесь уже говорилось о состоянии отечественной исторической науки и нашего исторического общественного сознания. Очень часто за новое выдаётся нечто модное в силу конъюнктурных политических или других причин. Сейчас идёт череда событий, связанная с 70-летием событий начала Второй мировой войны. Что-то отмечается и замечается в прессе и откладывается в общественном сознании. Например, по Мюнхенскому соглашению были научные конференции. Были рецензии в прессе, в частности на труд А. О. Чубарьяна по кануну войны. Но Мюнхен традиционно представляется как сговор четырех держав по разделу Чехословакии. А роль Польши и Венгрии в этих событиях? Польша, которая постоянно выступает в качестве пострадавшей стороны и требует каких-то извинений в свой адрес. Но чем отличалась политика этого государства в канун войны? Или события весны 1939 г. — ликвидация Чехословакии (окончательно в марте 1939 г.). В нашей печати, почему-то это прошло незамеченным, хотя стоило бы напомнить, кто ликвидировал Чехословакию как государство.

Скоро наступит август, и в нашей печати пойдёт вал публикаций о советско-германском пакте о ненападении. И получится однобокая картина, как будто вся война выросла из одного этого договора. Но настоящая наука не должна быть конъюнктурной, не должна выхватывать отдельные модные, как кому-то кажется, актуальные жареные факты, а исследовать основательно, добротнo, на основе источников, изучения историографии вопросов, споров с теми, с кем автор не согласен. Для обсуждаемого издания это является чуть ли не главной характерной чертой. Это действительно научное издание — а не конъюнктура, не попытка сыграть на каких-то модных тенденциях. Это академическое научное исследование. Если анализируется, например, Вторая мировая война, то начинается исследование её истоков с окончания Первой мировой войны и вплоть до сентября 1939 года. Любая проблема в труде рассматривается с основательностью и фундаментальностью. Все, кто интересуются тематикой «война и общество», что-то полезное для себя обязательно найдут.

Маленький тираж книги — общая беда для академической науки. 800 экземпляров не хватит на библиотеки всех вузов. Могу высказать пожелание в отношении Комиссии по противодействию историческим фальсификациям: может, одним из направлений её деятельности могло бы стать предоставление грантов на проведение подобного рода исследований, денег на публикацию такого рода научных трудов. Получается, что в любой книжный магазин зайти — там будет целая полка творений В. Суворова, к которой добавляются полки «Правда Суворова» и «Неправда Суворова».

Суворов уже 20 лет издаёт в нашей стране книги неимоверно большими тиражами, буквально завали-

вая своей продукцией магазины. Деньги на такого рода издания откуда-то берутся. Наверное, можно было бы организовать финансирование и научных трудов или в развитие чисто научного трёхтомника какого-то научно-популярного издания для широкой публики, но на ту же тематику и на тех же методологических и источниковедческих основах.

О. А. Ржешевский:

Авторы старались построить нашу книгу таким образом, чтобы она давала прежде всего выходы на будущее. К каким бы вы крупным событиям XX века ни обратились, которые сегодня приобретают характер вдруг возникшего огненного шара, вы всегда найдёте историческую базу и объяснение тому, почему это произошло именно сегодня. У нас есть здесь своя оценка советско-германских отношений в 1939 г., советско-германского пакта о ненападении. Сейчас началась борьба двух различных взглядов и оценок на это международное событие. Как правильно заметил Сергей Михайлович, может создаться впечатление, что вся война сводится к этому событию, людей заставляют забыть о той колоссальной трагедии, которую пережила наша страна. Одна часть общества считает, что секретный договор был необходим, другая часть придерживается иной точки зрения, что не надо было его заключать, а с англичанами и французами искать контакт. Секретный протокол рассматривают как нарушение норм международного права. Никто из этой категории историков не высказал идеи: а что в создавшейся ситуации мы могли сделать реально? Возможен ли был иной правительственный курс в той конкретной обстановке августа 1939 г., когда мы знали, что 26 августа Германия должна была начать войну против Польши и она при этом не ограничена в восточном направлении расширения экспансии?

Где был иной выход из создавшегося положения для нашей страны? Ответа на этот вопрос, видимо, вообще не существует. Предысторию вопроса знать необходимо. В этой связи очень будут полезны и наши работы.

Вопрос: Историческая наука развивается. Появляются новые методики и целые направления в исторической науке. Применительно к этому труду я вспоминаю военную антропологию. Использовались ли в этом труде новые методы исторической науки и новые методологические принципы?

О. А. Ржешевский:

Мы считаем удачей, что руководствовались сравнительным методом исторического исследования. В целом ряде выступлений эта мысль уже прозвучала. Как правило, везде, где было возможно, мы следовали этому принципу, стремясь показать обе воюющие стороны. Например, афганское и советское общество, армия моджахедов и наша Советская армия в годы Афганской войны; в Фолклендском конфликте мы отразили и британскую сторону, и аргентинскую.

Причем это касалось не политики, экономики или других конфликтов, которые происходили в этот период войны, а мы рассматривали именно реакцию общества на эту войну. Думается, что это чрезвычайно любопытно и по-человечески интересно, как, например, аргументировало свою позицию общество в Аргентине и в Великобритании. Мы не уходили от попыток исследовать и представить такие трудно поддающиеся проблемы, как, например, анализ процессов, происходивших в китайском обществе. Вы нигде больше не найдёте этого анализа.

Сейчас продолжается конфликт между Израилем и арабскими государствами. В книге освещается такая сложная и противоречивая тема как арабо-израильские войны. Мы долго искали автора. И удовлетворены главой. Ее написал Чрезвычайный и Полномочный Посол В. И. Колотуша, который находился в зоне конфликта. Он только недавно вышел на пенсию.

Вопрос: Будут ли российские и немецкие учёные совместно создавать труд по истории XX века, и каким он будет?

О. А. Ржешевский:

Российско-германская комиссия историков, которую возглавляет с нашей стороны академик А. О. Чубарьян, работает над этим проектом. Это чрезвычайно трудный и сложный проект, но в каком он состоянии находится — я не могу ответить.

Вопрос: Сам трёхтомник по замыслу, по тому, что сделано огромными усилиями большого авторского коллектива специалистов, не имеет аналогов и в более отдалённом прошлом нашей страны, и в новейшей историографии. В этом смысле он должен представлять интерес и для учёных, и для широкой публики, которая сможет найти его, один из этих восьмисот экземпляров. Я очень заинтересовался этой книгой. Но как её достать, ведь всего 800 экземпляров тираж?

Ю. А. Никифоров:

Книги издательства наука продаются в книжных магазинах «Академкниги». Мы предполагаем в конце этого года разместить ряд трудов Ассоциации историков Второй мировой войны, в том числе и эту книгу, которая вышла под её эгидой, в Интернете.

О. А. Ржешевский:

Дешевле всего приобрести эту книгу можно непосредственно в магазине «Академкнига» при издательстве «Наука» по адресу: Профсоюзная улица, дом 90. Кроме того, эта книга есть в библиотеке нашего института.

Вопрос: В пресс-релизе сказано, что в книге представлен «стратегический прогноз проблемы «война и общество», характер будущих военных столкновений и применения вооружённых сил». Конкретизируйте, пожалуйста, о чём идёт речь

и какой прогноз? Можем ли мы избежать войны? И ещё вопрос: войны революционизируют общество или как?

М. Ю. Мягков:

Говоря о прогнозе, мы имели в виду эссе, написанное генералом армии М. А. Гареевым, очень знающим специалистом, который сам пережил много войн — Великую Отечественную, Маньчжурскую кампанию, находился в Афганистане после того, как оттуда были выведены советские войска. Это крупный военачальник, человек, который знает сущность войн прошлого и настоящего и может, как мне представляется, делать прогнозы на будущее. Он использовал огромный фактический материал.

Будет ли война, и будет ли участвовать Россия в ней — вопрос для футурологов. Мы считаем, что вполне возможны войны, в которых вероятно участие тех или иных стран, в том числе и России. При этом интересен вопрос, насколько будут влиять на них пограничные конфликты. За личной конфликтов национально-этнического и религиозного характера будет скрываться, как было раньше и что мы наблюдаем сегодня, борьба за естественные ресурсы, которых на планете становится всё меньше. Несколько ведущих стран мира потребляют ресурсов в разы больше, чем вся остальная планета. Если вся остальная планета будет потреблять ресурсов, столько же, сколько эти две-три страны, то все мы вылетим в трубу.

Мир усложняется. Если раньше были две мировые силы — США и СССР, ведущие борьбу за геополитическое влияние, и эти две державы могли, скажем, приструнить своего союзника. Сейчас же на будущие конфликты может оказать влияние та страна, которая не имеет большого экономического и политического веса в мире. Тем не менее это так.

Насколько здесь сильно воздействие информационных войн, возможности подключения террористических организаций — эти вопросы освещены в конце книги, в соответствующей главе. И это даже не прогноз, а размышление, которое заставляет глубоко задуматься о характере будущих войн. Можно предположить, что останутся и агрессивные войны, и отечественные, когда та или иная страна будет защищать своё Отечество и народ той или иной страны будет нести на своих плечах все тяготы войны.

Опыт Великой Отечественной войны, её истории очень востребована сегодня, особенно для молодёжи, поскольку на этих традициях мы способны воспитать общество, которое будет достойно наших предков.

Вопрос: Скажите, вы занимались проблемой так называемых национально-освободительных войн, которые часто являются чисто сепаратистскими? Что с этим нам делать?

М. Ю. Мягков:

Существуют различные оценки. Либо это война национально-освободительная, либо это война сепаратистская. Например, Фолклендская война. В Британии её считают борьбой за идеалы, за то, чтобы осталось Содружество. В Аргентине же убеждены, что у них отняли часть территории и считают, что это национально-освободительная война, которую они готовы вести и в будущем. В книге мы и приводим такой двуполярный взгляд. Где-то мы вправе высказывать свою точку зрения, когда уверены в своей правоте относительно того, как квалифицировать войну: как национально-освободительную или сепаратистскую. В спорных ситуациях мы старались привести две точки зрения. Определить, чья позиция правильнее, — задача для читателя: в этом суть нашего похода.